

САША СУАРЕС

СИЛУЭТ В ОКНЕ

18+

Саша Суарес

Силуэт в окне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50803059

SelfPub; 2020

Аннотация

Давид – молодой человек из обеспеченной семьи, чьей жизни можно только позавидовать. Но однажды все изменилось. Жизнь разделилась на до и после аварии. Врачи сказали, что он больше никогда не сможет ходить. Жизнеутверждающая история о принятии себя, о силе духа, а также о любви, дружбе и семейных ценностях.

В огромном загородном доме в неприлично дорогом Подмоскowie метал громы и молнии уважаемый в округе бизнесмен. Вообще он никогда не славился тихим нравом, но в тот день Александр Александрович превзошел сам себя и удивил даже выдавших виды домочадцев. В гостиной громко-гласно распекал он своего старшего сына Александра. Младший сын Давид только что приехал из города на своей новенькой Ауди ТТ. Войдя в дом, он безмолвно одними глазами спросил у матери, что случилось. Мать, красивая ухоженная женщина средних лет, лишь пожала плечами. Давид решил остаться незаметно стоять в дверях, пока не поймет, что к чему. Это был очень привлекательный молодой человек двадцати двух лет от роду, лицом похожий на мать, с такими же ясными зелеными глазами и темно-русыми волосами, но унаследовавший смуглую кожу от бабушки по материнской линии. При этом выглядел он довольно мужественно и прекрасно был осведомлен об этом. Вокруг него всегда вились самые красивые девушки.

– Что значит, не хочет? – полыхал Александр Александрович, – да кто она вообще такая, чтобы в моем доме чего-то хотеть или не хотеть? Может, она просто забыла, откуда она родом и кто здесь главный? Испокон веков, до революции еще повелось в нашем роду Винокуровых старшего сына называть Александром! И с какой вдруг радости мы должны прерывать эту традицию по хотению какой-то пигалицы без роду без племени из-под Рязани? Я тебя спрашиваю, на ос-

новании чего она решила, что может что-то решать в нашей семье?

– Но, пап, – начал было мямлить Саша...

– Не папкой мне тут, – перебил его Александр Александрович, – я тебе слова не давал! Когда я позволю, тогда и будешь говорить! Я тебя если спрашиваю, это еще не значит, что тебе можно говорить! Я тут главный, пока не начну под себя ходить! А этого вы никогда не дождетесь! Ясно вам? Ишь ты, посмотрите, какая выискалась решательница Настасья, глядите-ка! Может, она и холдингом будет за меня руководить или советы давать? Ну, и как она хочет назвать моего первого внука? Говори, чего молчишь!

– Матвей, – еле слышно выдавил Саша.

– Да ты издеваешься? – снова взорвался Александр Александрович, – какой еще к чертям собачьим Матвей? Какой такой Матвей??? Нет, ну надо было мне докатиться до такой жизни! Уж лучше бы я до конца света дожил, чем такое услышать! Итак, первый сын будет Александр, как и было последнее сто пятьдесят лет минимум, а второй хоть Матвей, хоть Иуда, мне плевать! Но первенец будет Александром, я не позволю позорить меня какой-то девице, которая слишком много о себе возомнила! Разговор окончен, спор закрыт за отсутствием смысла!

– Но она его мать, – опять начал было Саша, который явно оказался меж двух огней.

Он был тем еще подкаблучником при жене с сильным ха-

рактором. И, судя по всему, она его просто поставила перед фактом, не приемля компромиссов. А отец был самой значимой для него фигурой с раннего детства и никто в семье, кроме средней сестры Натальи, никогда не смел ему перечить. К сыновьям Александр Александрович всегда был очень требователен, поблажек не было. Ох, как бы Саше сейчас пригодилась поддержка сестры. Но Наталья уже два года жила в Нью-Йорке, училась в аспирантуре и параллельно вела курс по истории русской литературы в университете. Отец ею очень гордился. Впрочем, если бы она стала дворничихой, скорее всего, он бы все равно гордился. Наталья всегда была его любимицей.

– Мать, говоришь? – снова вскинулся Александр Александрович, – так, может, она не знает, что главная задача матерей – это растить детей, а не решать за мужчин в приличных домах? А главная добродетель женщины – это хранить семейный очаг и устраивать благотворительные ужины! Вот посмотри на свою мать – это и есть образец для подражания всем женщинам! Может, ты еще скажешь, что твой сын не будет учиться в МГУ? Или какая еще крамола у вас там есть в запасе???

– Но она... – совсем сник Саша.

– Что она? – взревел Александр Александрович, – Что она, я тебя спрашиваю? Кто она вообще? Она хоть рубль в своей жизни заработала? Напоминаю, что всё, что у вас есть, вы имеете благодаря семейному бизнесу, который я тяну на

себе, как могу! И чем бы ты зарабатывал, если бы не наш холдинг? Где бы вы жили? В картонной коробке под мостом на Курском вокзале? Да что вы вообще все стоите без семьи и наших традиций?

– Привет, пап, – наконец подал голос Давид, чтобы отвлечь внимание от старшего брата, который казалось сейчас просто сожмется до кванта и исчезнет.

– О, привет, младший сын, – смягчился отец, – а ты меня чем сегодня порадуешь? Может, скажешь, что не хочешь работать на меня? И что юриспруденция теперь не твое? Или как там сейчас говорят у молодежи?

– Нет, я просто приехал на выходные вас повидать, – мягко сказал Давид, – потом у меня подготовка к защите диплома, до июня не смогу вырваться.

– Ну, хоть одна хорошая новость, – вздохнул Александр Александрович, – еще одного сюрприза сегодня я бы не выдержал. Если нужна будет какая помощь, только скажи, ты же знаешь.

– Знаю, знаю, – обаятельно улыбнулся Давид, – но я сам справляюсь.

Давид всегда знал, чем порадовать отца. Он прекрасно понимал, что за новые машины каждый год и за квартиру на Воробьевых горах надо платить хотя бы хорошим отношением. Младший сын сурового бизнесмена, потомка уважае-

мого купеческого рода, заканчивал магистратуру и собирался работать юристом в компании отца. Наверное, он мог бы стать кем-то другим и, возможно, даже построить блестящую карьеру, но решил пойти по пути наименьшего сопротивления. Его будущее было predetermined, и жизнь обещала быть безоблачной. В принципе, его это устраивало. Давид был хорош собой, обаятелен, начитан, умел заводить нужные знакомства, крутился в обществе золотой молодежи, постоянно был окружен женским вниманием, был завсегдатаем самых крутых вечеринок и резидентом самых дорогих клубов. Но при этом у него хватало ума никогда не спорить с отцом, не создавать ему проблем, закрывать без хвостов сессии и радовать мать. Давид каким-то чудесным образом умел сохранять баланс во всех сферах своей жизни, жил легко и красиво, избегая сложностей. Поэтому от него всегда исходила энергия успеха и уверенности в себе.

Саша же всегда покорно, но без охоты, делал только то, что скажет отец. В его облике незримо чувствовалась скорбь и печаль. После экономического факультета (конечно же, МГУ), он начал работать на предприятиях отца. Постепенно стал его правой рукой. Но в нем никогда не было этого стержня, у него не было железной хватки его отца, у него не было красоты и обаяния его матери. Отца это всегда жутко раздражало, но он не оставлял надежды сделать из наследника настоящую акулу бизнеса. Правда, при любом удобном случае он напоминал ему о его никчемности.

Отец был вне себя от ярости, когда Саша объявил, что собирается жениться на Анастасии, которая приехала в Москву поступать, провалила экзамены, хотела было устроиться в клуб танцовщицей, но встретила будущего мужа и передумала вообще где-либо работать. Она сразу смекнула, что к чему, и вцепилась в парня мертвой хваткой. Да Саша не особо и сопротивлялся, потому что девушки “его круга” никогда его не жаловали. Даже деньги отца не помогли ему стать более привлекательным в глазах девиц из богатых столичных семей. Настя была довольно хороша собой и сумела привязать к себе парня настолько, что он пошел против воли отца. Это был первый раз в жизни, когда тихоня Саша сделал что-то по-своему. Но тогда ему помогла поддержка сестры и матери. Жена Александра Александровича, умная и спокойная Елена Николаевна, никогда не перечила мужу, но умела повлиять на него мягко и незаметно. Во многом благодаря ей Саше удалось жениться. Она тоже не особо привечала Настю, но понимала, что шансов на удачный брак у ее первенца не очень много, поэтому приняла невестку. Отец купил им дом в том же элитном поселке, на свадьбу молодой жене подарили машину, и в целом жили они сносно. Как раз в тот год дочь Наталья уехала в Штаты, Давид поступил в магистратуру, почти перестал появляться у родителей, и они, скрепя сердце, стали общаться большей частью только с семьей старшего сына. Так прошло два года. Елена Николаевна как могла поддерживала хлипкое перемирие, успокаивала

мужа, поддерживала сына.

Но недавно Саша объявил о беременности Насти. Сначала Александр Александрович принял эту новость благосклонно, и даже стал теплее относиться к невестке. Когда УЗИ на двадцатой неделе показало, что это будет мальчик, он еще больше воодушевился. Но вот до родов остаются считанные недели, и Саша приезжает в дом родителей один и сообщает, что Настя против того, чтобы сына назвали Александром. Видите ли, она ничего не имеет против этого имени, но ей кажется это дурацким, когда имя и отчество совпадают.

Надо сказать, доля правды в словах Александра Александровича-старшего все же была. Если бы не он, неизвестно еще, чем бы зарабатывал на жизнь его скромный неуверенный в себе сын, к тому же с очень средними интеллектуальными данными. Парень реально ни в чем не блистал. Прямо скажем, был посредственностью. Вероятнее всего, Настя бы не обратила на него внимания, если бы не богатство его отца. Ей всегда хотелось красивой жизни, как в кино. Она с детства говорила матери, которая работала учительницей в единственной в поселке школе и растила дочь одна с тех пор, как умер ее муж от цирроза печени, что будет жить как принцесса, и никто ее не остановит. В принципе, такая настойчивость в достижении целей уже достойна уважения. Хотя у нас в обществе таких девушек принято порицать.

– Пойдемте обедать, мальчики, – мягко сказала Елена Николаевна, – Мария сегодня приготовила отменный обед.

Мария была пожилой кубинкой, которая давным-давно приехала в Советский Союз, очарованная социалистической романтикой, вышла замуж за советского инженера, родила двоих детей, которые как только подросли, уехали жить в Латинскую Америку. Последние двадцать лет она работала в доме Винокуровых и практически стала членом семьи. На ней держалось все хозяйство, она научила детей говорить по-испански, она нанимала персонал и руководила им. А пять лет назад ее муж умер, и она вовсе переехала во флигель на территории работодателя.

Когда случались такие скандалы, как сегодня, она уходила в свой флигель, и возвращалась только после прекращения криков. Это было ее кредо. Она принципиально никогда не желала становиться свидетельницей семейных ссор.

Вот и сейчас, когда все утихло, она вернулась. Давид всегда был ее любимчиком. Он лучше других схватывал испанский, был ласковым малышом, постоянно крутился вокруг нее и ел любую ее стряпню. Как раз в те годы Елена Николаевна увлеклась выездами в свет, и Давид практически вырос на руках у Марии, мать видел изредка.

Саша покорно проследовал в столовую, Давид весело щебетал на испанском с любимой няней, Александр Александрович бубнил, что дескать по-нерусски болтают, а чего болтают, непонятно. Елена Александровна улыбалась, потому

что знала, что в глубине души ее грубоватый и суровый муж страшно гордится тем, что его дети свободно говорят на английском и испанском. Ему самому языки никогда не давались, с раннего возраста во всех отпусках и поездках дети выступали его переводчиками. Втайне он надеялся, что его любимица Наталья после окончания университета станет переводчиком в его компании, но у нее были другие планы.

После ужина Саша не солоно хлебавши поплелся домой, на другой конец поселка. Ему предстояло трудное объяснение с женой. Настя не собиралась уступать, хотя тоже понимала, что если Александр Александрович заартачится, то у молодой семьи просто не будет средств к существованию. Но, несмотря на молодость, она неплохо разбиралась в мужчинах, и была уверена, что грозный бизнесмен не оставит на улице внука. Как бы его ни назвали.

Давид остался ночевать у родителей. В конце концов, следующие несколько месяцев у него не будет возможности поиграть с отцом в бильярд, попить с мамой чаю, обсудить новости политики в Латинской Америке с Марией. Не сказать, что он был большим любителем политики, но ему просто нравилось с ней разговаривать. И есть имбирное печенье, которое она пекла специально для него всякий раз, когда он приезжал.

После ухода Саши обстановка немного разрядилась – отец

устал злиться и успокоился, но все равно в воздухе висело некое напряжение. Все понимали, что это не конец истории. И следующий раунд может быть еще более жестким. Елена Николаевна собиралась на следующий день зайти к невестке и попытаться ее образумить, чтобы обойтись малой кровью. Скандалы в семье ей были ни к чему.

На следующее утро после завтрака Давид тепло попрощался с родителями и Марией, клятвенно пообещал маме беречь себя и каждый день есть горячее, сел в свою блестящую черную Ауди и выдвинулся в сторону Москвы. Было воскресенье, поэтому пробок в сторону города не ожидалось. Новорижское шоссе летело. Можно было опять попытаться выжать максимум из своей машины. Больше всего на свете Давид любил скорость и веселые тусовки.

Он даже не заметил, когда на встречу вылетел тот грузовик. Давид попытался вильнуть, но на скорости сто сорок километров в час это оказалось не так-то просто. Ему удалось избежать столкновения лоб в лоб, но машина потеряла управление и ее вынесло на обочину. Она перевернулась несколько раз, но Давид этого не знал, потому что потерял сознание от удара об руль. Почему не сработала подушка безопасности, никто так никогда и не узнал. Почему не сработала сигнальная система, когда он забыл пристегнуться – тоже. Почему опытный водитель грузовика оказался на

встречке, выяснили – ему в этот момент позвонили, и он отвлекся от дороги. Слишком много трагических случайностей. Кто знает, почему так вышло? Может, это было предначертано судьбой? А может, просто так совпало?

Давид открыл глаза и увидел белый потолок. И белые стены. И белые жалюзи. Попробовал встать, но не смог. Попытка повернуться тоже не увенчалась успехом. Закрыв глаза. Открыл еще раз. Огляделся. Похоже на больничную палату. Отлично. Последний раз лежал в больнице примерно никогда. А посещал кого-то лет пять назад. Что бы это все значило?

Вспышка памяти. Шоссе, грузовик, руль. Нет, нет, нет, этого не может быть. Четыре года безаварийного вождения, даже на парковке ни разу не поцарапал машину. Это просто сон. Бывает же такое – тебе снится будто ты спишь и просыпаешься, а на самом деле все еще спишь. Да, точно, слышал где-то такое. Надо попытаться проснуться. Не получается. Зажмуриться посильнее, открыть глаза и тогда уж точно получится. Не сработало. Это плохие новости. Тогда надо попробовать восстановить в памяти последние события, вспомнить, что было после того грузовика. Такое тоже возможно – читал где-то про управляемые сны, когда можно во сне попытаться изменить события или мысли. Не получается. Грузовик и темнота. Что за ерунда. Нет, так не пойдет,

надо проснуться. Это уже не смешно.

В этот момент в палату вошла молодая медсестра. Ну, хоть что-то новенькое. Интересно, что сейчас будет.

– Доброе утро, наконец-то вы с нами. Как себя чувствуете? Голова не болит, не кружится? Не тошнит? Пить хотите? – защебетала она очень дружелюбно.

– Что тут происходит? – не церемонясь сразу перешел к делу Давид.

– Вы попали в аварию, вас доставили в очень тяжелом состоянии, вы пробыли без сознания больше суток. Мы все очень волновались, но кажется, все обошлось. Я сейчас позову доктора и вашу маму.

Медсестра вышла.

Так, что за чепуха? Какая еще авария? Это просто сон. Или не сон? Точно, это шутка однокурсников. А медсестра вовсе и не медсестра, а переодетая девчонка с соседнего потока или вообще с другого факультета, поэтому и лицо незнакомое. Ксюша, наверное, подговорила их – она всегда очень волнуется, что я слишком быстро гоняю. Злость на Ксюшу. Встречаемся всего полгода, не слишком ли много она на себя берет? Надо будет сказать ей, что такие шутки совсем не веселят. И вообще, я сам в состоянии решать, на какой скорости ездить. И как жить. Но почему я не могу пошевелиться? Они что, меня зацементировали в этой кровати? Капельниц еще понатыкали. Поди потом тренеру объясняй, откуда эти дырки в венах и синяки на руках. Идиоты. Я

дружу с компанией недоумков. Наверное, напился на вечеринке у Олега, они мне что-то подсыпали, память отшибло и вот. Но почему я помню все, что было до грузовика и не помню ничего после? Как так точно можно память человека отключить. Хотя сейчас же век космических технологий, чего я удивляюсь. Люди вон клонируют животных, рак лечат, сердце пересаживают. Что им стоит придумать, как подчистить память. В фильмах давно такое показывают.

Дверь бесшумно открылась, и в палату вплыл как белый пароход высокий дородный мужчина с благородной сединой в волосах. Его уверенные движения и королевская осанка выдавали в нем уверенного в своих силах профессионала.

– Ну, что у нас тут? – раздался зычный голос, который мог бы принадлежать оперному певцу или театральному актеру, – проснулся наш спящий красавец, значит. Это очень хорошо, очень. Вы даже не представляете себе, молодой человек, насколько это хорошо, даже не представляете. Итак, что у нас с самочувствием?

Давид с любопытством рассматривал доктора.

Если это сон, то очень четкая картинка, детальная проработка, прям пять баллов подсознанию. Если это шутка друзей, то актер шикарный, выглядит как самый настоящий врач из сериалов. И раз у меня есть возможность выбора, то буду молчать. Посмотрим, как он выкрутится.

– Сестра сказала, что вы с ней разговаривали, – проверяя показания приборов как бы в пространство сказал врач, –

стало быть, либо вы не хотите именно со мной разговаривать, либо за две минуты, пока я шел, у вас резко ухудшилось состояние. Ни один, ни второй вариант меня не радует. Так что, юноша, сотрудничать будем или как?

– Где я мог вас видеть? – нарочито безразлично спросил Давид.

– Судя по вашей медицинской карте, нигде: таких здоровых людей я давно не встречал, возможно, и вовсе никогда, – поднял удивленно брови человек-пароход, – ваш вопрос меня радует и удивляет одновременно. Радует, потому что все-таки вы не потеряли способность говорить, и я вас не так уж и раздражаю, а удивляет, потому что выглядит это так, как будто вы со мной заигрываете.

Давид ухмыльнулся стене. И твердо решил вывести докторишку на чистую воду. Только пока не придумал, как именно.

– Так как вы себя чувствуете? – вернулся к разговору врач.

Давид попытался прислушаться к ощущениям в теле, но его прервал крик матери:

– Сыночек, боже мой, я так за тебя волновалась! Слава богу, ты в порядке!

Нет, ну это уж слишком. Они еще и маму подговорили. Хотя еще вчера она вела себя довольно адекватно и ни в каких спектаклях участвовать не собиралась. Скорее всего, это все-таки сон. Только почему никак не удастся проснуться?

– Мам, что тут происходит? – не выдержал Давид.

Из глаз матери брызнули слезы. Настолько искренние, что версия с розыгрышем сразу отпала. За всю жизнь он всего два раза видел, чтобы мать плакала. Первый раз – когда умерла бабушка, и второй – когда Наташа уезжала в Штаты. Такое не подделаешь. Так что оставалась рабочей только версия про сон. Неправдоподобная, ненадежная, неестественная, но за неимением лучшего, пришлось зацепиться. Поверить в то, что происходящее вокруг реальность, решительно не было сил.

– Сыночек, я так рада, что ты в порядке, – всхлипнула Елена Николаевна, – вообще никаких прогнозов не было. Они говорили, что ты можешь неизвестно сколько пробыть в коме, или проснуться овощем, или вообще умереть! Но я им сразу сказала, такого быть не может – мой сын настоящий боец, он слишком любит жизнь, чтобы вот так взять и не прийти в себя. Я им сразу так и сказала, сыночек. Я ни минуты не сомневалась в тебе. Я знала, что ты так просто не сдашься.

Спектакль затягивался.

Становилось страшно.

– Мам, это правда? Это не сон?

– Ох, Давид, хотелось бы мне, чтобы это был страшный сон, – тяжело вздохнула Елена Николаевна, – но прямо сейчас я рада, что ты просто жив.

– Честно говоря, – вмешался врач, – этот юный джентльмен и правда везунчик и любимец богов. Шансы выжить бы-

ли ничтожно малы. А он вон мало того, что жив, да еще и чувство юмора сохранил!

– Я молилась за тебя днем и ночью, – снова всхлипнула Елена Николаевна, и ее красивые глаза наполнились слезами.

– Уж не знаю, что именно тут помогло, но главное, что помогло, – осторожно продолжил врач, – есть, конечно, кое-что, что вам не понравится, но не забывайте, что вас вообще могло уже не быть с нами.

– Сергей Леонидович, – едва слышно прошептала мать.

– Да, я понимаю, что вам это горько слышать, но рано или поздно он и сам это поймет, поэтому полагаю, следует сказать Давиду, – отвел глаза врач.

– Сказать что? Мам, о чем он? Что такое?

– Давид, – снова вкрадчиво начал врач, – вам очень повезло, что вас быстро доставили, и что у вас молодой здоровый организм, и что ваша мама молилась, потому что травмы, которые вы получили...

– А можно ближе к сути, – нетерпеливо перебил Давид.

– Да, конечно. У вас пострадал позвоночник. Вы не сможете ходить.

Сюр какой-то. Чушь. Что он такое говорит вообще?

– Это шутка? – попытался выдать улыбку Давид.

– Нет, – твердо сказал врач, – это не шутка. То, что вы остались живы и практически здоровы, уже самое настоящее чудо.

– Чудо? Здоров? Что за чепуху вы городите? – закипел сын своего отца, – вы мне говорите, что я не смогу ходить, я не чувствую ног, и вы говорите, что я здоров??? Вы вообще в своем уме? Можно мне врача без психических проблем, пожалуйста?

– Давид, успокойся, – мягко сказала Елена Николаевна, – это один из лучших врачей Москвы, папа его специально вызвал, чтобы тебя обследовать.

– Мам, ты что, не слышишь его? Он говорит, что я здоров и не смогу ходить! Это же несовместимые вещи!

– Давид, сейчас очень много новых исследований, наука шагнула далеко вперед, мы будем искать варианты, отправим тебя за границу, – максимально спокойно утешала его мать, – я уверена, что диагноз не окончательный, нужно больше информации, и потом, прошли всего сутки после аварии, рано делать выводы.

– Ваша мать абсолютно права, – без особого энтузиазма подтвердил Сергей Леонидович, – каждый день появляется что-то новое в медицине, к тому же любой врач подтвердит, что иногда случаются чудеса. Но я бы не хотел вас обнадеживать. В истории медицины еще не было случаев, чтобы пациенты с вашим диагнозом вставали на ноги. И если вы станете первым, поверьте, я буду несказанно рад. И обязательно приглашу вас на партию в гольф.

– Идите вы знаете куда со своим гольфом! – взорвался Давид, – Какой к чертям собачьим гольф??? Как мне теперь

жить? Зачем вы вообще меня спасали, если знали, что я не буду ходить? Оставили бы меня в покое и дали бы умереть нормально!

– Сыночек, что ты такое говоришь!

– Мама, я тебя умоляю, только не надо сейчас всей этой чуши, про то, что всяко можно жить! Если я не смогу ходить, какая жизнь меня ждет? Я даже думать об этом не хочу!

– Сыночек, я понимаю, ты сейчас шокирован и не можешь ни о чем думать, но умоляю, не говори о смерти! Если тебе плевать на себя, подумай хотя бы обо мне, о нашей семье! Ты понятия не имеешь, что такое терять ребенка!

– Прости, мам. Не хотел тебе сделать больно. Кажется, мне нужно побыть одному.

– Хорошо, мы оставим тебя.

Когда все вышли, в палате повисла гробовая тишина. Слышно было, как шуршат бахилы посетителей в коридоре.

Как такое могло случиться? Это же бывает только в кино! Как можно вот так вот просто зайти к молодому здоровому человеку и сказать ему, что он больше не сможет ходить?

Давид попробовал пошевелить руками, потом ногами. Бесплезно. Руки в порядке. Ноги не слушались. Как будто их и вовсе не было. Откинул простыню. На месте, и даже без гипса. Только бинты. Пара ссадин, пара синяков. Выглядят совершенно здоровыми. Спина болит. И голова болит. И шея еле поворачивается. Руки трудно поднимать. А ноги в порядке. Ноги как ноги. Как такое возможно, что они не

могут ходить?

Попытался дотянуться до окна, чтобы открыть жалюзи. Резкая боль пронзила спину от шеи до поясницы. Плохая была идея. Давид невольно вскрикнул. В комнату влетела медсестра:

– Что случилось? Вы в порядке?

– Ты что, подслушивала под дверь? – недовольно проворчал Давид.

Ему было непривычно оказываться в таком беспомощном положении, особенно в присутствии девушки. Даже когда он простужался, что случалось раз в несколько лет, он не позволял никому видеть себя в таком состоянии. Обычно ему было достаточно отлежаться пару дней в одиночестве, и он снова возвращался в строй.

– Я просто проходила мимо, – потупилась медсестра.

– Как же, ага.

– Сергей Леонидович сказал не спускать с вас глаз и ушей, – призналась девушка, – вот я и была поблизости.

– И чего ж он так боится, твой Сергей Леонидович? Как тебя хоть зовут, шпионка?

Вообще, в жизни Давид был очень воспитанным и учтивым юношей. Его обожали мамы всех друзей и подруг, его любили преподаватели, его уважали ребята в универе. Он всегда держался с достоинством, был неизменно вежлив, даже учтив. Не позволял себе сальных шуточек или неуважительных высказываний. Но и в свой адрес не терпел пополь-

новений. Отец иногда со смехом удивлялся, откуда в обычной купеческой семье вдруг уродился такой аристократ. Но, разумеется, он знал, откуда. Его жена была из очень тонкой интеллигентной семьи потомственных музыкантов. Правда, никто из детей не обладал выдающимися творческими способностями. Так, на уровне похвастаться перед родней и друзьями.

– Катя, – представилась медсестра.

– Давид, – протянул руку пациент, – я бы с удовольствием поклонился, мадемуазель, но боюсь, обстоятельства непреодолимой силы мне не позволят почтить вас так, как вы того заслуживаете.

Перестарался. Но лучше так, чем хамить.

Катя на удивление звонко рассмеялась.

– Вы как будто из книги Пушкина, сударь!

– Давай на ты, если можно, – дружелюбно предложил Давид.

– Давай, – почему-то зарделась Катя, – вообще-то нам запрещено фамильярничать с пациентами, у нас серьезная частная клиника, но ты особый пациент, так что, наверное, можно.

– Так, так, так, – картинно закатил глаза Давид, – и в чем же моя особенность?

– Ну, во-первых, тебя привезла скорая сразу к нам, а не в обычную больницу. Вроде кто-то из знакомых проезжал мимо, узнал твою машину, и сообщил семье. Они сразу все ор-

ганизовали. Во-вторых, Сергей Леонидович – светило, так просто его не заполучишь в день обращения, я раньше вообще не видела живую звезд такой величины. Я просто читаю много медицинской литературы, поэтому и знаю, кто он.

– Ясно, отец постарался, – как будто расстроился Давид, – но, честно говоря, я ему благодарен.

– Ну да, еще неизвестно, чем бы все закончилось, если бы ты попал в государственную подмосковную больницу. Врачи там, конечно, бывают хорошие, но оборудование на грани фантастики. Смотришь и поражаешься, как оно еще работает?

Ребята дружно рассмеялись.

Вроде бы не так все и плохо. Жизнь как жизнь.

– Кать, я никогда в жизни не был в больнице, – начал было Давид, – и не знаю ваших правил. Но кое-что мне нужно узнать прямо сейчас. Как бы мне попасть в туалет?

– Никак.

Давид наклонил голову на манер попугайчика, насколько позволяла боль в шее, и внимательно посмотрел на хорошенькую молодую медсестру.

– Ты серьезно или шутишь? – на всякий случай переспросила Катя.

– У меня к вам аналогичный вопрос, мадемуазель, – серьезно ответил Давид, – я и правда никогда в жизни не был в больнице. И, судя по всему, сутки не ходил в туалет. Мне неловко вести с тобой этот разговор, но другого выбора у

меня, полагаю, нет. Так как мне попасть в уборную?

– Никак.

– Катя, не смешно.

– А я и не пытаюсь тебя веселить, – совершенно будничным тоном продолжила медсестра, – у тебя стоит катетер, тебе не нужно никуда ходить.

Давид помолчал, пытаясь переварить информацию.

– Я такое слово слышал только в кино. Там было что-то про дом престарелых. Как неловко. Лучше бы я у доктора спросил.

– Честно говоря, в этом нет ничего неловкого, – попыталась успокоить его Катя, – всем ставят, когда людям лучше не вставать пока. Даже молодым женщинам после кесарева сечения, даже детям после операции. Дело не в возрасте.

Давид снова помолчал в белую стену.

– Катя, если бы ты знала, сколько я готов отдать сейчас за то, чтобы мы с тобой обсуждали новый клуб на Кропоткинской, а не вот это вот все. Я бы душу дьяволу продал.

– Я не хожу по клубам, так что это была бы напрасная жертва, – улыбнулась медсестра максимально дружелюбно.

– Ты понимаешь, о чем я.

– Конечно. Я бы тоже хотела, чтобы мы говорили о чем-то другом.

– Стой, а почему ты не ходишь в клубы? – поинтересовался Давид.

– Я готовлюсь к поступлению в мединститут, – просто от-

ветила Катя, – в свободное от работы время я занимаюсь.

– И каким же врачом ты будешь?

– Нейрохирургом.

– Чего? – расхохотался Давид.

Катя смотрела прямо и серьезно. Кажется, она не шутила.

Давид потупил глаза.

– Прости, я подумал, что ты шутишь. Ты такая молодая и хорошенькая. А у меня стереотипное мышление. В моей картине мира хирурги выглядят примерно как ваш этот Сергей Леонидович. Ну или хотя бы как доктор Хаус.

– Честно говоря, я довольно способная, у меня красный диплом медицинского колледжа, и я на хорошем счету на работе.

– Как обманчива бывает иногда внешность. Я бы скорее подумал, что ты веселая тусовщица, вертихвостка и сердцеедка, чем заучка.

– А я и не заучка. Мне все это нравится. А я бы про тебя подумала, что ты мажор, грубиян, пикапер, самовлюбленный болван.

– Все мимо, кроме первого пункта, – улыбнулся Давид, – но я не буду извиняться за то, что родился в богатой семье. Это не моя вина, честно.

– Да, но у тебя есть выбор, – с вызовом сказала Катя, – пользоваться родительскими деньгами или пробивать себе путь самостоятельно.

– Что ты имеешь ввиду? Это что, наезд? Мне кажется, это

глупо не брать от жизни то, что она тебе дает.

– Неужели? – вскинула брови Катя.

Давида задело. Никогда раньше не задевало, а теперь задело. Он никогда не чувствовал себя виноватым перед теми, кто родился без серебряной ложки во рту. Но и не кичился деньгами семьи. Просто жил в свое удовольствие. Конечно, у него всегда был перед глазами пример старшей сестры, которая после окончания школы поступила в университет и стала снимать квартиру вскладчину с однокурсницами. Хотела поселиться в общежитие, но ей отказали. И от машины отказалась. Брала у родителей деньги на квартиру только в первом семестре, потом устроилась на работу. Сама училась, сама зарабатывала, сама нашла способ уехать в Нью-Йорк. Отец негодовал, мать плакала, но Наташа не сдавалась. Никогда не позволяла никому лезть в ее жизнь. Со временем родители смирились. Давид всегда думал, что у сестры просто бунт такой, форма развлечения. И все ждали, когда же она наиграется в самостоятельность и снова станет папиной дочкой, которой ни в чем не отказывают. Но она так и не наигралась. Видимо, это была не игра.

– Прости, не хотела тебя задеть. Ладно, мне пора, еще куча работы. Если что-то понадобится, нажми на кнопку вызова персонала.

– Тебе же велено было глаз с меня не спускать!

– А кто сказал, что я спущу? – подмигнула Катя, – я буду где-то рядом.

Какая веселая медсестра, однако. Не знал, что такие бывают. А может, это ее специально приставляют к таким, как он, чтобы она их поддерживала? Таким, как я. Нет, честно говоря, это чушь. Я встану на ноги. И не просто встану, а буду заниматься спортом, как раньше. Интересно, сколько времени уйдет на реабилитацию? И успею ли я дипломную написать? Ха-ха. Теперь точно успею. Вместо тусовок буду штудировать учебники. Точно, надо узнать, могу ли я проводить реабилитацию дома или нужно в больнице тухнуть. И надо попросить маму, чтобы привезла ноутбук, начну готовиться к защите. Это же прекрасная возможность не отвлекаться на вечеринки, а сосредоточиться на учебе! Защита будет блестящей, я стану лучшим выпускником года, родители будут страшно мною гордиться! Да, да, так и будет! Чего я тут разнылся, сопли распустил, это всего лишь временное ограничение возможностей передвижения. Использую это время по максимуму! В невероятно приподнятом настроении он нажал кнопку вызова персонала. Через минуту в двери показалась кудрявая голова Кати:

– Что, даже десяти минут теперь без меня выдержать не можешь?

– И это тоже. Но не могла бы ты позвать врача и маму?

– Есть, сэр!

Через минуту в комнату вплыл роскошный лайнер Сергея Леонидовича в сопровождении величавой осанки Елены Николаевны. Даже убитая горем, она держалась как прима

балерина. Катя проскользнула за их спинами и встала у окна, сложив руки за спиной. Лицо ее было деловитым, но глаза лукаво улыбались.

– Ну, и что у нас тут теперь, молодой человек? – разлился по палате шикарный баритон.

– Доктор, мне надо с вами поговорить!

– Говорите, говорите, не стесняйтесь! Я вижу, настроение у вас получше? Катя, это твоих рук дело?

– Катя просто чудо! – улыбнулся Давид, – но я сейчас о другом. Я бы хотел узнать поподробнее, как проходит процесс реабилитации. А также, через сколько я смогу ходить при самом благоприятном исходе. В июне у меня защита диплома, и я бы хотел прийти туда уже своими ногами, а не в кресле. Потому что это будет блестящая защита! Могу ли я жить у себя дома и ездить на процедуры? Или лучше какое-то время провести в больнице? Если в больнице, то можно ли привезти ноутбук и принтер, мне не терпится приступить к дипломной работе.

Врач стоял молча, уставившись в свои записи. Мать отвела глаза, полные слез. Пока Давид придумывал свой гениальный план, она снова переговорила с доктором, и он ее почти убедил не давать ложных надежд парню. Потому что пока современная медицина не способна поставить его на ноги. Да и вряд ли будет. Дай Бог, чтобы он смог детей иметь. Да чтобы с годами не начались осложнения. И так далее в том же духе.

– Доктор? – нарушил звенящую тишину Давид.

– Да, да, слышу. Я просто думаю. Знаете, что? Давайте, я все узнаю, посоветуюсь с зарубежными коллегами, обговорю с главврачом, узнаю, какие у них есть возможности и вернусь к вам?

– Отлично, спасибо! – Давид сиял как медный таз. От его горя не осталось и следа.

Сергей Леонидович действительно был очень известной и значимой фигурой в мире российской медицины. Более того, он регулярно участвовал в конференциях по всему миру. Репутация у него была безупречной. А также он славился своей прямоотой. Он никогда не миндальничал с пациентами. Говорил прямо, как есть. Но что-то дрогнуло у него в груди, когда он слушал полные энтузиазма речи Давида, и он не смог повторить то, что сказал его матери десять минут назад. Просто не повернулся язык. Лишить надежды этого энергичного полного жизни молодого человека. Который к тому же был сыном его старинного приятеля, с которым он когда-то служил в советской армии. Решил взять тайм-аут и обдумать все как следует.

Когда доктор ушел, Давид обратился к Кате:

– Слушай, а кроме капельниц у вас есть какие-нибудь развлечения для пациентов, попавших в затруднительное положение? Бутерброд, например? Или чашка чаю без сахара?

– Сию минуту, сэр, – бодро отковыряла Катя. Если пациент просит есть, значит, у него все не так уж и плохо.

Когда она вышла, Давид наконец осмелился посмотреть на мать. Он боялся признаться сам себе, что если увидит ее лицо, выражающее что-то не то, что он хотел бы увидеть, то не справится с эмоциями. Но опасения были напрасными. Елена Николаевна улыбалась ему самой искренней и счастливой из своих улыбок. Она была по-настоящему счастлива. Она верила Давиду больше, чем врачу. В ее голове не укладывалась мысль, что ее прекрасный мальчик, самый здоровый и жизнерадостный из ее троих детей, может остаться навсегда в инвалидном кресле. Поэтому она предпочла встать на сторону Давида. В конце концов, врачи тоже люди и могут ошибаться. А чудеса случаются. И раз они случаются с кем-то, почему бы одному чуду не случиться с ее сыном?

Давид украдкой выдохнул с облегчением. Мама была на его стороне. Мама была с ним. Это было очень важно для него. Не сказать, что они были особенно близки, но он любил родителей.

– Мама, – сказал он с улыбкой.

Елена Николаевна подошла к кровати и обняла сына, насколько это было возможно. Потом придвинула стул, села рядом и взяла его за руку.

– Сыночек, я так счастлива, что ты все правильно понял и придумал отличный план. Я попрошу Сашу, чтобы он заехал к тебе на квартиру и привез ноутбук. Напиши список всего, что тебе нужно. После обеда он освободится и приедет.

Дверь с шумом открылась и в нее влетела дородная Ма-

рия, проворно обогнав Александра Александровича на финишной прямой.

– Ну вот, увязалась со мной, ни в какую ничего не хотела слушать, – пробурчал отец с добродушной улыбкой.

Мария тем временем кинулась к своему любимому подопечному, перемежая причитания с молитвами, утирая слезы и одновременно распаковывая контейнер с его любимым домашним печеньем.

Давид был счастлив. Он как мог успокаивал Марию на испанском, параллельно пытаясь отвечать на вопросы отца.

– Чего бормочут, басурмане, поди пойми, – подтрунивал Александр Александрович. Он бы ни за что никому не признался, что впервые в жизни пустил слезу, когда ему позволила жена и сказала, что сын пришел в себя и прекрасно себя чувствует. Это видела только Мария, но он взял с нее клятву на крови, что она унесет с собой эту тайну в могилу. Взамен она потребовала взять ее с собой в больницу.

– Держи, сын, купил тебе телефон по пути, а то твой не пригоден оказался, симкарту вроде переставили, сказали, будет работать, но там надо понастраивать чего-то, ты уж сам разберись.

– Спасибо, пап.

– Я просто подумал, он тебе тут пригодится. Не очень-то тут весело. А вы ж, современная молодежь, и минуты не можете без своих этих смартфонов. Сказали, что это самая новая модель, надеюсь, так и есть.

– Это отличный аппарат, пап, – с благодарностью сказал Давид, – даже лучше, чем был у меня. Мария, я больше не могу есть печения, они слишком сладкие, мне обещали бутерброд принести. О, а вот и он, легок на помине! Катя, что это? Суп? Боже, ты волшебница, я и не смел мечтать о курином бульоне!

– Ладно, ты пока тут ешь, а я пойду поговорю с Сергеем, – сказал Александр Александрович, – потом пообщаемся нормально, все равно Мария никому не даст вставить слова, пока не напричитается!

Мария пропустила замечание мимо ушей.

– Я пойду с тобой, – встала Елена Николаевна.

Ей хотелось лично проконтролировать, что именно скажет врач мужу. Слишком многое было на кону. А она твердо решила бороться за сына. И ей нужны были союзники.

Врач отыскался не сразу. Так как в эту клинику он вообще попал впервые, ему было интересно обойти все отделения, оценить оборудование, поговорить с коллегами. К тому же ему не давал покоя вопрос его единственного в этом здании пациента. Родители Давида нашли его в кафетерии, где он пил кофе и разговаривал по видеосвязи с кем-то на английском языке. Завидев старого приятеля, Сергей Леонидович приветливо ему помахал и показал на стулья, жестом приглашая присоединиться.

Когда разговор был окончен, доктор встал и тепло обнял приятеля:

– Сколько лет, сколько зим! Наконец-то встретились!

– Да и не говори! Жаль только, что повод такой печальный. Хотел тебя познакомить со своей семьей, да все некогда было, а теперь, видишь, как получилось.

– Когда мы последний раз виделись? Кажется, на свадьбе у Акимова?

– Да, похоже на то. Даром, что почти в одном городе живем уже два года. А увидеться времени нет.

Доктор Прилучный много лет жил в Австралии, уехал в девяностые, занимался там серьезными исследованиями в области нейрохирургии, сделал себе имя, женился на девушке из Новой Зеландии, в Россию приезжал редко, поэтому не был знаком даже с женой Винокурова, не то что с детьми. Два года назад у Сергея Леонидовича умерла жена – рак груди, детей у них не было, поэтому он решил все оставить и вернуться на родину.

– Сань, я не буду ходить вокруг да около, – вдруг серьезным тоном сказал Сергей Леонидович, – давай начистоту. То, что он выжил и сохранил рассудок и память, сам нормально говорит, и, как мне передали, даже ест – это уже чудо. Я сейчас разговаривал с коллегой из Германии, он мне сначала не поверил, таких случаев действительно один на миллион. Просит показать ему парня вживую. Но касаясь позвоночника прогнозы плохие. Ходить он не сможет. Два раза

подряд чудо вряд ли произойдет.

Александр Александрович сжал кулаки. Елена Николаевна украдкой смахнула слезу. Сергей Леонидович отвел глаза. Всегда тяжело сообщать такие новости близким больно. Он так и не смог привыкнуть к этому за годы работы.

– Я готов на что угодно, чтобы поставить сына на ноги. Я не могу смириться просто так. Если операция бессильна, может, есть лечение в Германии, Израиле, Америке? За ценой не постоим, ты же знаешь.

– К сожалению, есть вещи, которые пока ни за какие деньги не купишь.

– Если есть хоть малейшая надежда, хоть экспериментальная медицина какая-нибудь, мы должны рассмотреть все варианты, – с мольбой сказала Елена Николаевна, – даже если это будет нетрадиционный метод!

– Ну уж! Давай без шаманов обойдемся! Вон корабли в космос запускают люди, неужели не найдется хоть какое завалящее исследование? Можем даже через фонд профинансировать, – вдохновился энтузиазмом жены Александр Александрович.

– У нас в стране точно нечего ловить, Сань. Я сегодня буду разговаривать с коллегами из Америки, сейчас у них ночь – жду, пока проснутся. Помнится, в прошлом году на конференции в Мельбурне они что-то интересное рассказывали, но тогда это было просто прожектором, ничем не подкрепленные слова, никаких клинических исследований. Поэтому

я и не хотел вам говорить заранее, чтобы не давать ложных надежд. Но, возможно, с тех пор они продвинулись. К тому же клиника при университете там очень хорошая и реабилитационные центры не чета нашим. Оборудование такое, что мы только на картинках видели.

Родители пациента переглянулись с надеждой.

– Нет, нет и нет, – замотал головой профессор, – не смейте даже надеяться, пока я не поговорю с ребятами. Вдруг у них там вообще свернули эту программу.

– А что, если нам пообедать сегодня всем вместе? – воодушевленно предложил Александр Александрович, – заодно с Леной познакомишься нормально. А то тут обстановка такая давящая, что аж страшно. Того и гляди кто-нибудь подбежит на клизму уведет!

– Слушай, хорошая идея, – поддержал Сергей Леонидович, – давайте часа в два? Вы заедете за мной? А то я без машины. Никак не решусь сесть за руль в этом городе. После Австралии сложно перестраиваться в моем возрасте.

– Вот только не надо сейчас про возраст, – запротестовал Александр Александрович, – мы еще молоды и полны сил, мы еще покажем, на что способны! Давай, набери мне, как будешь готов. А я пойду еще поговорю с сыном и поеду по делам скатаюсь, как раз к двум управлюсь.

– Добро.

В палате Давида все еще витал дух Кубы. Мария целиком и полностью заполнила пространство испанской речью. Ко-

гда вошли родители, она как раз рассказывала ему историю из детства, когда пятилетний Давид решил на всех обидеться, убедил себя, что дома его никто не любит, потому что ему не разрешили положить в чай десять ложек сахара. Он ушел во двор, забился под крыльцо и сидел горько плакал. А Мария ему тайком принесла несколько кубиков рафинада. Радости мальчика не было предела. Конечно, если бы об этом прознала Елена Николаевна, всем бы досталось на орехи – она была очень щепетильна в вопросах питания детей. Но, к счастью или к сожалению, жена олигарха в тот период активно примеряла на себя роль светской львицы, и как раз когда разыгрывалась драма, к ней приехала подруга обсудить наряды для предстоящего мероприятия. Так что ребенок без зазрения совести сгрыз весь рафинад, остатками покормил муравьев во дворе, и так и быть, поверил Марии, что она его все же скорее любит, чем ненавидит. Да и вообще после потребления такого количества сахара, он как-то уже и на семью зла не держал. Родители Давида за двадцать лет жизни бок о бок с Марией так и не заговорили на испанском. Так что сейчас только Давид хохотал, слушая эту трогательную историю из детства. Мария всегда придерживалась мнения, что лучше дать детям лишнюю конфету, чем смотреть, как они плачут. И, по правде говоря, у всех троих были отменные зубы и отличные фигуры. А у Давида еще и устойчивая психика. Так что, возможно, Мария была не так уж и неправa.

– Сеньора, вы позволите парой слов перекинуться с сы-

ном-то? – с сарказмом спросил Александр Александрович, когда ему удалось вклиниться в бесконечный поток речи.

– Конечно, конечно, мы уже достаточно обсудили, – закивала она и добавила на испанском: – Давид, умоляю тебя, если загрустишь или просто захочешь поговорить с кем-то, кто тебя любит и никогда не жалеет сладостей для своего маленького красавчика, звони мне в любое время дня и ночи!

– Спасибо тебе, Мария, – тепло ответил пациент, – что бы я без тебя делал все эти годы, вообще не представляю!

– Нет, ну ты посмотри на них, они даже разговоры заканчивают три часа, – бухтел Александр Александрович, – что ж за язык-то у вас такой разговорчивый, басурмане, неужто нельзя просто сказать “все, пока”?

Мария и Давид только заговорщицки переглянулись.

– Сын, у нас есть две новости, хорошая и плохая, – начал он.

– Пап, ты никогда так издалека не начинаешь разговоры.

Елена Николаевна молча улыбалась и держала Давида за руку. Она просто не могла сдержать радости от только что услышанного. Бывают ситуации, в которых даже призрачная надежда окрыляет.

– Хорошая новость в том, что доктор одумался и перестал нас запугивать, сказал, что есть все-таки врачи, которые исследуют такие случаи и есть хороший реабилитационный центр, правда там пока все вилами по воде, будем узнавать, но ты же меня знаешь – я пока своего не добьюсь, не успо-

коюсь! Уж такой я человек!

– Это точно, – подтвердил Давид, – а плохая какая?

– А плохая в том, что центр этот в Америке окаянной, будь она неладна. Одного ребенка у меня уже забрала, теперь на второго покушается, но что не сделаешь ради здоровья детей!

– Вот как, – только и сказал Давид.

Америка не входила в его планы. Он надеялся вылечиться дома, в Москве, и параллельно писать дипломную. Хотя, по большому счету, что ему мешает связываться по скайпу с преподавателями? А к защите уже прилетит сам, на своих двоих дойдет до университета. В принципе, тоже неплохо. С сестрой можно будет повидаться, английский попрактиковать, страну посмотреть. Давид ни разу не был в Америке. В Англию, в Ирландию, на Мальту его регулярно отправляли на языковые курсы. А дальше Евразии никогда нигде не бывал. Прекрасный шанс! Как раз некуда спешить, под предлогом реабилитации можно вообще провести пару месяцев шикарно, не спеша, прям как в фильмах, где герой живет активной жизнью, а потом с ним что-то случается, и он замедляет темп, начинает прозревать, понимать какие-то скрытые смыслы, ну и всякое такое в том же духе.

– А знаешь, что, пап? Эти обе новости просто потрясающие! Я вас обожаю!

– Это мой сын! – самодовольно пророкотал Александр Александрович, – никогда не сдается, не унывает, и всюду

ищет возможности! Так, девчонки, мне нужно отъехать по делам, вы пока тут побудете? К двум вернусь за Леной, и поедем обедать с доктором, нужно много чего обсудить! Мария, ты можешь взять водителя Лены, наверное. Да, душа моя?

– Поезжай уже, мы разберемся, уж не бросим ее на произвол судьбы, – мягко подтолкнула его к выходу жена.

Марии пришлось перейти на русский в присутствии Елены Николаевны, так что разговор потек медленнее. Словарный запас в русском у нее был не такой обширный, как в испанском. Да и не все темы они с Давидом открыто обсуждали в присутствии его родителей.

В два часа пополудни Елена Николаевна уехала с мужем, а Мария посидела с подопечным еще час, и тоже отправилась домой, воспользовавшись личным автомобилем хозяйки дома.

Когда Давид остался в палате один, ему стало вдруг невыносимо одиноко и жутко страшно. Пока вокруг него хлопотала родня, он ощущал себя как в детстве, когда подхватил насморк или переел ягод и у него разболелся живот. Тебя окружают вниманием и заботой. Хотя чего уж там греха таить, никогда он ни на что особо не жаловался в детстве. Одиночество он в целом переносил легко, иногда даже с удовольствием. Но сейчас, когда он был прикован к кровати в чуж-

дой обстановке, с непонятным диагнозом, без внятных прогнозов, с адской болью и унижительным катетером, ему стало не по себе. Он нажал кнопку вызова персонала. Через минуту вошла Катя.

– Слушай, спина разболелась, нет ли у тебя таблетки какой-нибудь?

– О, сэр, вы по адресу. Уж чего-чего, а лекарств у нас тут полно! Сейчас добавлю обезболивающее в капельницу.

– А может, просто таблеточку?

– Так как твой лечащий врач уехал, я осталась за главную, – шутливо подбоченилась Катя, – и я тут решаю, куда кому какое лекарство вкалывать, а кому таблеточки раздавать!

– Все, все, угроза понята, прения сторон окончены, – подержал ее пациент, силясь улыбнуться.

Спина болела, шея не поворачивалась, правое плечо ныло. В таком состоянии ему было очень непросто держать лицо, но он старался как мог. Вообще, в принципе, у него редко когда что-то болело. Если только мышцу потянул на тренировке.

Когда обезболивающее подействовало, стало легче.

– Классно говоришь по-испански, – похвалила Катя, записывая показания датчиков.

– Да, спасибо, у меня няня была кубинка, я на испанском заговорил раньше, чем на русском, хотя жили в России.

– Ничего себе, как круто! На каких языках еще говоришь?

– На английском. Ну, и латынь примерно как у тебя, если это считается. В школе учил еще немецкий, но без особого успеха, он мне не очень нравится.

– А я так и не выучила английского, не дается он мне.

– Может, просто не было мотивации?

– Не знаю, я смирилась.

– А как ты выкручиваешься за границей?

– Никак, я никогда не бывала за границей.

– Что? Как такое возможно? Прямо ни разу? Даже в Турцию не ездила?

Катя весело рассмеялась.

– Я даже в Беларуси не бывала!

– Ты шутишь.

– Давид, в твоей картине мира это, наверное, просто дичь, но у восьмидесяти процентов россиян нет загранпаспорта. Большинство людей никогда не были за границей. У них просто нет возможности.

– Кать, это и правда удивительно. Ладно еще пожилые люди, которые всю жизнь прожили в совке и у них другое мышление. Но молодым неужели не интересно поехать посмотреть, как живут другие люди? Познакомиться с другой культурой? Не в кино или в интернете, а вживую? Самой своими глазами увидеть города в других странах, подышать другим воздухом, искупаться в другом море?

– Не знаю, я никогда об этом не думала. Мои родители всегда еле концы с концами сводили, нас было четверо детей

в семье, да еще больная бабушка. Мы жили в двухкомнатной квартире всемером, так что для меня сейчас даже возможность снимать отдельную квартиру с сестрой уже считается роскошью. У нас с ней один туалет на двоих, и это просто красота!

– Катя...

– Да нет, все в порядке. Мы живем нормально, не жалуемся. Просто я всегда думала, что эти поездки не для меня. Есть люди, для которых это норма жизни, а есть люди, которые никогда не выедут за пределы своей страны или даже города.

– Пусть так, но ты ведь однажды куда-нибудь поедешь?

– Не знаю, в прошлом году я накопила денег с зарплаты и стипендии, и после диплома поехала с однокурсницей в Лазаревское. Это была моя первая в жизни поездка на море. И знаешь, что? Я не испытала никакого дикого восторга. Ну море, ну пляж, ну горячая кукуруза. Я там на третий день отравилась и половину отпуска провела в комнатке, которую мы сняли. И стоило ли оно того? Лучше бы на сэкономленные деньги купила себе новый пуховик к зиме. А так пришлось ходить в старом, а он уже застиранный и было жутко холодно стоять на остановке по утрам, когда ждешь маршрутку до метро.

– Катя...

– Это просто жизнь, всего лишь жизнь. Иногда мне кажется, люди придают слишком много значения вещам, которые

не настолько важны. Я не умру без поездки на море или даже за границу. И никто не умрет. А от неправильного питания или без теплой одежды могу умереть.

– Я даже не знаю, что сказать...

– Да что тут говорить. Жизнь она разная. Я не хочу кататься по миру, покупать дорогие шмотки, пить шампанское по цене аренды моей квартиры. Я просто хочу выучиться на врача и спасать жизни. Для меня важно это. Для кого-то важно шампанское. Все люди разные. Все родились для разных целей. Я никого не осуждаю. В конце концов, кто-то же должен пить то шампанское, а то люди старались, делали его.

– Да уж, старались, – вздохнул Давид.

– Знаешь, когда я начала работать в больнице, я поняла одну важную вещь. Жизнь сама по себе и есть ценность. Когда смотришь на пациентов, осознаешь, что перед лицом смерти все равны. И неважно, сколько стоит твоя сумка и сколько стран ты повидал. Все одинаково хотят жить. Так что надо просто жить. И та жизнь, которой живу я, ничем не хуже и не лучше твоей жизни, или жизни бездомного на Казанском вокзале, или жизни Ким Кардашьян, или жизни британской королевы. Просто наши жизни разные. Каждый родился прожить именно свою жизнь.

– Это была эпичная речь сейчас.

– Когда я так говорю, моя сестра думает, что я таким образом сама себя успокаиваю, чтобы не грустить из-за того, что я никогда не буду кататься на яхте. Да что там, я даже

никогда не летала на обычном самолете.

– А твоя сестра хотела бы другой жизни?

– Ага, она мечтает стать кинозвездой, ходит на бесконечные кастинги и откладывает деньги на пластическую операцию с зарплаты официантки.

– Ну, что ж, тоже достойно уважения.

– Конечно, это ее жизнь, и она хочет прожить ее так. Она имеет на это право. Я ее не осуждаю, и я не завидую тем, кто объездил весь мир. Как-то так.

– Мудро.

– Да, мне нравится моя жизнь. Мне нравятся мои друзья, я люблю свою семью, хотя она не идеальна.

– Это так круто. Все, что ты сейчас сказала, очень круто.

– Ага. А теперь мне нужно заняться другими делами, ты у меня тут не один, красавчик.

– Нет, нет, пожалуйста, не уходи, Катя. Поговори со мной еще.

– Ну вот еще, мне не за разговоры деньги платят. Там у меня работа стоит. За разговоры у нас платят штатному психологу, могу тебе его пригласить, если хочешь.

– Этого мне еще хватало для полного счастья, – усмехнулся Давид, – никогда не понимал, зачем люди ходят к мозгоправам. Я их немного побаиваюсь. Мало ли чего наговорят, потом хлопот не оберешься.

– Тогда включи, наконец, свой телефон и поговори с друзьями, со своей девушкой, с родственниками. Уверена, куча

народу жаждет поддержать тебя. А я пошла. Если что-то понадобится, ты знаешь, где волшебная кнопка.

Когда Катя вышла, Давид уставился на коробку с новым телефоном. Рядом лежала его старая сим-карта, которую извлекли из разбившегося смартфона.

Ему не хотелось признаваться себе, что он не хочет никого слышать. И не хочет, чтобы его видели в таком состоянии. Никто, кроме Натальи. Точно, позвоню сестре. У них уже утро. Она встает рано, у нее йога в шесть утра каждый день. Так вот, что имел в виду отец все эти годы, когда твердил, что семья – это главное. И что бы с тобой ни случилось, семья будет рядом. Что ж. Хотелось бы мне понять это в другой ситуации. Но уж как вышло, так вышло.

Как только он включил телефон, во все мессенджеры посыпались сообщения. Просто десятки сообщений от разных людей. Давид решил, что почитает все позже. Набрал сестре по видеосвязи. Наталья как раз пила свой утренний кофе.

– Мелкий, ты как там? Говорят, тебе несладко пришлось?

– Да, систер, чего уж врать. Мне тут совсем не очень.

– Что говорят врачи? Я еще не разговаривала сегодня с мамой.

– Ничего конкретного, сначала сказали, что я не смогу ходить, потом вроде смогу, потом не смогу. Так что я немного запутался. Сейчас как раз родители общаются с врачом. Уж

не знаю, о чем договорятся.

– Да уж, невесело. Хотя, ты знаешь, вчера, когда мне позвонила мама из больницы и все рассказала, твои дела были гораздо хуже. Они вообще не были уверены, что ты придешь в себя когда-нибудь. Так что, судя по всему, ты счастливчик. Хотя ты всегда был везунчиком. У меня не укладывалось в голове, что мой мелкий братишка, который вообще никогда не умел сидеть на месте ровно, и вдруг не встанет.

– Да, в свете того, что я мог вообще умереть, конечно, временное ограничение на вечеринки можно как-то пережить. Пропущу пару тусовок, пожалуй. Заодно подготовлюсь к защите как следует.

– Мне нравится твой настрой! Я сейчас должна бежать на работу, давай созвонимся после обеда, у вас уже будет вечер, надеюсь, после десяти в больнице не отключают вайфай. Чао, амиго!

– Пока, систер, буду ждать!

Наталья классная. Всегда была не по годам умна и серьезна. Всегда находила нужные слова для братьев. Всегда вставала на их сторону, если отец слишком давил на них.

Надо бы наверное Ксюше позвонить, она там поди волнуется. Да и ребятам. Да в универ сообщить. Но ужасно не хотелось. Ладно, так и быть, позвоню хотя бы своей девушке. А она как раз может в деканат зайти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.